

НОВАЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА И ПОНЯТИЕ ПРАВА.

ПРИВАТЪ-ДОЦЕНТА

Демидовскаго Юридическаго Лицея

Н. И. Палиенко.

ЯРОСЛАВЛЬ.

Типо-лит. Э. Г. ФАЛЬКЪ, Духов. уз. в д.

1900

Профессоръ Л. І. Петражицкій, известный въ науку галлскими трудами въ области гражданского права и общихъ юридическихъ вопросовъ, издалъ недавно первый выпускъ своего новаго труда: „Очерки философіи права (основы психологической теоріи права. Обзоръ и критика современныхъ воззрѣній на существо права)“. С.-Петербургъ 1900.

Первыя 55 страницъ названнаго труда представляютъ собой, какъ заявляетъ и самъ авторъ въ предисловіи, перепечатку безъ существенныхъ измѣненій его же статьи „Что такое право“, напечатанной въ „Вѣстникѣ права“ 1899 г. № 1.

Авторъ добавилъ въ настоящемъ 1-мъ выпускѣ еще критику различныхъ современныхъ воззрѣній на существо права и въ заключеніи подводитъ итогъ основнымъ мыслямъ, развитымъ въ предыдущихъ отдѣлахъ книги.

Въ виду неуставовленности понятія права, дѣйствительно играющаго въ науку ту же роль, какъ сфинксъ въ знаменитой трагедіи Софокла „Эдипъ Царь“, загадка „что такое право“ все еще не признается разрѣшенной юристами.

Тѣмъ болѣе должно привѣтствовать попытку автора освѣтить этотъ вопросъ съ новой стороны при посредствѣ психологическаго метода.

До сихъ поръ огромное большинство юристовъ обращало свое вниманіе лишь на внѣшнюю, формальную сторону права, но последнее подобно хамелеону мѣняетъ свою окраску своимъ усложняющимся разнообразіемъ затрудняеть изслѣдованіе его основныхъ и существенныхъ признаковъ.

Тѣмъ не менѣе послѣ многолѣтнихъ усилій наука права, въ лицѣ большинства современныхъ ученыхъ юристовъ, склоняется къ признанію строго императивной, волевой функціи права, какъ его существеннаго и отличительнаго признака.

Передъ нами теперь другая теорія, признающая отличительнымъ признакомъ правовыхъ нормъ не эту императивность, но „атрибутивность“ ихъ.

Проф. Петражицкій приходитъ къ такому заключенію при посредствѣ чисто психологическаго метода, самонаблюденія и наблюденія надъ душевными процессами другихъ лицъ.

Въ виду оригинальности и большого интереса, который представляетъ теорія уважаемаго автора, постараемся изложить его основныя мысли по возможности точнѣе. Затѣмъ мы изложимъ тѣ сомнѣнія, которыя возбуждаютъ въ насъ воззрѣнія автора.

— Размышляя, говоритъ авторъ, въ разныхъ случаяхъ жизни, какъ намъ поступить, мы чувствуемъ себя иногда совершенно свободными, несвязанными въ выборѣ нашего поведенія. То же мы замѣчаемъ и въ другихъ. Отправиться ли на прогулку или остаться дома, купить-ли книгу или нѣтъ, вполне зависитъ отъ нашего усмотрѣнія. Мы выбираемъ то рѣшеніе, которое намъ представляется удобнымъ или целесообразнымъ.

Въ другихъ случаяхъ, напротивъ, мы замѣчаемъ связанность воли, чувствуемъ, что обязаны поступить такъ-то (не молчать напр. а сообщить правду) или воздержаться отъ такого-то поступка. Независимо отъ разсужденія, полезенъ или пріятенъ намъ такой-то поступокъ, какой-то „внутренній голосъ“ авторитетно указываетъ, предписываетъ, предопредѣляетъ наше поведеніе.

Советъ повелѣваетъ намъ то или другое. Другими словами намъ въсущи такія убѣжденія, которыя властно и авторитетно для насъ же самихъ нормируютъ наше поведеніе.

Изъ нашихъ же убѣжденій мы выводимъ обязанности и для другихъ, приписываемъ обязанности и другимъ (стр. 11).

Отмѣченное чувство связанности воли, сознание необходимости подчиненія ей извѣстному авторитетному импульсу, мы выражаемъ словами: обязанность, долгъ, обязательство, долженствованіе, а тѣ убѣжденія, которыя авторитетно нормируютъ наше поведеніе, мы казываемъ нормами, императивами (стр. 12).

Наше чувство и сознание связанности воли, долга, въ свою очередь въ различныхъ случаяхъ имѣетъ различную природу. Сравнимъ наше психическое состояніе, говоритъ авторъ, въ слѣдующихъ двухъ случаяхъ:

1. Иванъ находится въ такомъ положеніи, что мы считаемъ своею (нравственною) обязанностью оказать ему помощь напр. дать 10 рублей.

2. Мы уговорились съ извозчикомъ Петромъ, что онъ повезетъ насъ въ городъ. Мы пріѣхали и считаемъ себя обязанными уплатить условленную сумму. Кто нибудь выигралъ у насъ въ карты, далъ взаймы 10 р.; мы сознаемъ свою обязанность уплатить ему эту сумму.

Въ обоихъ случаяхъ мы замѣчаемъ авторитетный импульсъ дать 10 руб., но наше психическое отношеніе къ Ивану рѣзко отличается отъ отношенія къ Петру, утверждаетъ авторъ. Ивану мы ничего не должны, ему отъ насъ ничего не „слѣдуетъ“, „не причитается“, если онъ получитъ 10 р., то это дѣло нашей „доброй воли“. Связанные по отношенію къ нашей совѣсти, по отношенію къ Ивану мы считаемъ себя свободными, не связанными, и отъ него ожидаемъ признанія этой свободы „нашей доброй воли“ дать или не дать, во всякомъ случаѣ, не ожидаемъ противоположнаго отношенія. Его требованіе платежа показалось бы намъ даже неумѣстнымъ, нахальнымъ, и мы, можетъ быть, чтобы научить его не заявлять такихъ неумѣстныхъ требо-

внѣ въ дѣлѣ, зависящемъ отъ нашей доброй воли, измѣнили бы свое намѣреніе дать ему 10 р. или отдали бы ихъ богѣе нуждающемуся, не видя въ этомъ никакого нарушенія своихъ обязанностей къ Ивану, ему отъ насъ ничего вѣдь не слѣдуетъ. (стр. 12—13).

Различая въ обязанности дать 10 р. отрицательный полюсъ, будущій минусъ для меня, взятіе изъ моихъ средствъ и выдачу 10 р., и положительную сторону будущій плюсъ для другого, полученіе 10 р., мы можемъ сказать, что положительная сторона нашей обязанности не закрѣплена за Иваномъ, что мы чувствуемъ свободу отвернуть отъ него положительный полюсъ нашего намѣренія. Напротивъ, по отношенію къ Петру, заработавшему отъ насъ 10 р., мы связаны, лишены свободы дать или не дать. Неплатежъ по-казался бы намъ въ этомъ случаѣ безстыднымъ; исполненіе нашей обязанности въ этомъ случаѣ явилось бы лишь доставленіемъ другому долгаго ему *suum tribuere, non laedere*, а не какимъ-то добрымъ дѣломъ (стр. 13).

Въ этомъ случаѣ появляется совсѣмъ другая „психологія“ говоритъ авторъ, т. е. мы признаемъ положительную сторону нашей обязанности, направленную на будущее полученіе Петромъ заработанныхъ имъ 10 р., закрѣпленной за Петромъ.

Если же мы вообразимъ себя въ роли Ивана и Петра, т. е. противоположными обязанности, а не обязанными, то мы замѣтимъ аналогичныя, параллельныя психологическія различія еще рельефнѣе. Не одно и то же, напр., принять въ нуждѣ помощь отъ богатаго родственника, хотя бы мы и считали это его нравственною обязанностию, и получить обратно 10 р., которыя мы отдали кому нибудь въ займы. Въ последнемъ случаѣ, мы бы не постѣснялись принять эти 10 р., какъ вѣчно свое, должное намъ (стр. 14—15).